

**О ФОРМАХ И МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ В XV–XX вв.¹**

**Е. Е. Барсук
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)**

Познание прошлого предполагает отбор, хранение и передачу знаний о нем, а также способность людей осмысливать свой жизненный опыт и опыт предыдущих поколений, трансляция которого невозможна без памяти.

Память представляет собой знания человека о мире, информацию о должном поведении в обычной жизни и чрезвычайных условиях. Для формирования исторической памяти важны три обстоятельства: забвение

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору № 1410/2021 от 22.03.2021.

прошлого; различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий; открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.

Процесс отбора, анализа и систематизации знаний о прошлом соотносится с механизмами формирования исторической памяти в виде «коммеморации» (зафиксированных воспоминаний о прошлом) и «рекоммеморации» (забвения, стирания из памяти отдельных событий).

Забвение – неотъемлемый элемент исторической памяти, который не только изменяет образ прошлого, но и создает целостное и логичное восприятие событий, отсекая лишнее. В противном случае, история превратится в нагромождение фактов.

Образ прошлого зависит не только от сохранившихся сведений, но и от его значения, собственно исторического контекста, значения, придаваемого ему потомками, и значения, навязываемого отдельными людьми или социальными группами в собственных целях. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для индивида или общества. Образ прошлого – это всегда отражение наших интересов [1, с. 10–14].

Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и сообщества людей запоминать или забывать определённые события прошлого. Передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной. Но критерии достоверности образа прошлого были разными в разных обществах. Представление о том, что важно знать о прошлом, также изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для общности одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью. Отдельные события и персонажи прошлого могли приобретать в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами. Истории многих народов и могущественных династий начинались с рассказов о богах и героях, воспринимавшихся в качестве предков и зачинателей всех будущих событий.

Для средневековой историографической традиции Европы идеальным образцом была Библия Вульгата (на латинском языке). Однако прослеживалась авторская версия прошлого и интерпретация его связей с настоящим. В отличие от европейских хроник древнерусское, затем белорусско-литовское летописание ставило своей задачей не только создание правдивого рассказа о прошлом и достоверной фиксации настоящего, но и выполняло функции религиозного, дидактического и прагматического характера. Летописи содержали краткий очерк основных событий библейской истории и ставили их в общий ряд событий местной истории.

Фиксирование образов прошлого на белорусских землях в XV–XVIII вв. характеризовалось традиционными формами историописания:

летописями, хрониками, религиозно-полемической и мемуарной литературой. Большинство источников белорусского происхождения этого периода дошло до современников в виде летописных сводов и изборников. Они также содержат тексты религиозного содержания.

Первый летописный свод 1446 г. также содержит несколько списков: Никифоровский, Супрасльский, Слуцкий, Академический, Виленский и объединяется наличием во всех них части под названием «Летописец Великих князей Литовских». Именно он стал ядром всех белорусско-литовских летописных сводов [2, с. 29, 37].

В состав каждого списка входят различные части. Так, Супрасльский список включает в себя «летописания» до 1427 г., «Похвалу Витовту», некоторые смоленские сведения и о княжении Свидригайлы и его борьбе с Сигизмундом Кейстутовичем, Киево-Печерский патерик.

Ядром второго летописного свода, созданного в 20-е гг. XVI в., является «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», появление которого было обусловлено новыми общественно-политическими условиями и необходимостью исторического обоснования права Великого княжества Литовского на белорусские и украинские земли и доказать знатное происхождение княжеской династии. Его создание вписывается в общеевропейскую тенденцию XVI в. – создание мифических национальных генеалогий, связанных с древним происхождением народа. Ко второму летописному своду причисляют списки Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевский, Румянцевский, Евреиновский [2, с. 38].

Огромное значение и популярность в Королевстве Польском, ВКЛ, затем Речи Посполитой имели так называемые польские хроники. Это «Хроника» М. Стрыйковского, «О происхождении и истории поляков» Мартина Кромера, «Хроника всего мира» Мартина Бельского и «Хроника Польская» Е. Бельского, «Описание европейской Сарматии», авторы которых пользовались сведениями многих летописных списков. Постепенно летописание угасает, но значение хроник сохраняется и даже возрастает.

Изменение исторических условий в середине XVI в. обусловило создание третьего Летописного свода, более известного как «Хроника Быховца». Произведение включает в себя дополненные «Летописец Великих князей Литовских», «Хронику Великого княжества Литовского» и оригинальные сведения [2, с. 47].

Историческая репрезентация на белорусских землях в XVII–XVIII вв. представлена эволюцией традиционных форм и возникновением новых, таких как мемуарная литература. Преемницей средневековой традиции и одновременно носителем идей Реформации и Контрреформации была религиозная полемика первой половины XVII в., обусловив дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к Брестской церковной унии.

Религиозно-полемические произведения отражали изменение конкретно-исторических условий как в Европе и Речи Посполитой, так и на белорусских землях, эволюцию ценностей, целей и задач определенных социальных групп, усложнение общества с его многообразными социально-политическими запросами.

Историческое сознание XVII в. претерпевало колоссальные изменения в результате Ренессанса с его идеями гуманизма и вольнодумства, Реформации и религиозных войн, утраты солидарности всего христианского мира, Контрреформации и создания Московского патриархата, распространения униатства и инкорпорации православной элиты в польскую шляхту путем принятия католичества, заимствования польской культурной традиции и социокультурного раскола общества на статичную народную культуру и шляхетскую.

Большая часть шляхты, преимущественно средней и мелкой, придерживалась одних и тех же убеждений, общественных и политических взглядов, цитировала одних и тех же авторов. Единые шляхетские привилегии, участие в единых формах политической жизни, унификация образования обусловили формирование единой ментальности и идеологии независимо от этнической, конфессиональной принадлежности и имущественного положения. Значительная роль в формировании «народа шляхетского» принадлежала идеологии сарматизма, которая определяла стиль жизни и способ мышления шляхты Великой Сарматии (Речи Посполитой, державы вольностей шляхетских). Сложился идеальный образ сармата – патриота своей Отчизны и шляхетского сословия, храброго рыцаря и защитника общественных интересов независимо от собственных амбиций, искусного оратора, гостеприимного, искреннего, гордого и свободного человека, убежденного в своей культурной, политической и национальной исключительности [3, с. 150].

К типу регулярных дневников можно отнести метеорологические и политические записки Храповицкого и Незабытовского. Среди произведений историко-мемуарной литературы первой половины XVII в. можно назвать «Диариуш» Самуила Маскевича, состоящий из двух частей: дневниковой (1594–1604) и мемуарной (1605–1621). Автор повествует о своей военной службе королю Речи Посполитой (принимал участие в подавлении рокоша против Сигизмунда III Вазы, в событиях Смутного времени в Русском государстве, был судьей и писарем в Новогрудке).

Ярким памятником мемуарной литературы эпохи барокко является «Диариуш о событиях в Польше» Альбрехта Станислава Радзивилла о событиях 30–50-х гг. XVII в. Автор занимал различные государственные должности, в том числе и канцлера ВКЛ, выполнял дипломатические миссии, основал иезуитский коллегиум в Пинске. Воспоминания Яна Цадровского, служившего у Б. Радзивилла также содержат сведения о событиях 50–80-х гг. XVII в. в ВКЛ.

Своеобразным сочетанием антиуниатской полемической и мемуарной литературы является «Диариуш» Афанасия Филипповича, игумена Брестского Симеоновского православного монастыря. Его произведение является сборником различных по жанру, сюжету и назначению частей, 10 из них написаны непосредственно самим игуменом. Части объединены вставками, целостностью, яркостью и некоторой эпатажностью авторского образа и радикальными авторскими взглядами. Афанасий Брестский был сторонником исихазма (православного этично-аскетического учения) [4].

Основной формой фиксации процессов коммеморации и рекоммеморации образа прошлого белорусов в XIX – начале XX вв. был исторический нарратив в виде этнографических исследований и фольклористики, а также специальных и обобщающих исторических трудов.

Механизмы формирования исторической памяти народа – коммеморация и рекоммеморация взаимосвязаны и взаимодополняемы, поскольку в них фиксируется и транслируется актуальный образ прошлого, обусловленный конкретно-историческими условиями, задачами и интересами социальных групп общества.

Разделы Речи Посполитой и вхождение в состав Российской империи белорусских земель изменили социально-политические, экономические и культурные условия развития и актуализировали иное содержание коммеморации и рекоммеморации. Эти механизмы формирования исторической памяти нашли отражение в идеологии западнорусизма и официальной концепции «триединого русского народа», верного православию и противостоящего католицизму на Западе, существование которой было обусловлено противостоянием с «великопольской» концепцией.

Образ прошлого в Российской империи закреплялся на основе православно-консервативных позиций. Однако XIX в. – это также время кризиса сарматизма и его замена местным патриотизмом, время национально-культурного возрождения, развития белорусоведения и театра, складывания белорусского литературного языка и формирования белорусской национальной идеи.

Исследования фольклора и быта, истории и культуры населения Северо-Западного края закрепили представления об этнографической самобытности края. Образ прошлого, как символическая система транслируемых из поколения в поколение исторических данных и мифов, наиболее ярко выражен в фольклоре, поскольку именно устное народное творчество сохраняет и передает бесценный исторический опыт предков.

Так, один из основоположников белорусской фольклористики Н. Я. Никифоровский рассматривал фольклор как основной компонент социализации (воспитания и передачи опыта, структурирования времени и выстраивания отношений) и мировоззренческую основу человека и общества.

Одна из первых попыток обобщения и систематизации истории Беларуси от времени расселения славян и появления норманов, истории Полоцкого княжества до истории ВКЛ и Речи Посполитой была предпринята И. В. Турчиновичем в работе «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен», изданной в 1857 г. По его мнению, история Беларуси самостоятельна и делится на два периода: древний и новый, который начинается с XV в. и тесно связан с политической историей Литвы, Польши и России. С этого времени Беларусь стала «по своему географическому положению ареной решения вопросов политической жизни этих государств силой оружия, последствия этой кровопролитной борьбы и составили судьбу и новую историю Белорусского края» [5, с. VIII].

В целом, исторический нарратив XIX в. во всем многообразии отражал общественные установки и идеологические предпочтения социальных общностей Российской империи в целом и национальных окраин, в том числе и Северо-Западного края, заложил основы белорусоведения, способствовал формированию «местного патриотизма» и национального движения в начале XX в.

Создание белорусской национальной историографии относится к переломной эпохе начала XX в., которая характеризовалась ростом национально-освободительного и демократического движений в Европе в целом, и на белорусских землях, входивших в состав Российской империи. Эти процессы были обусловлены ростом национального самосознания и борьбой за сохранение идентичности и права на самоопределение наций, нашедших отражение в формировании национальной исторической школы, изданием первых обобщающих систематизированных работ по истории Беларуси, утверждавших самобытность, самостоятельность культуры, языка и традиций.

Первая систематизированная работа о Беларуси, изданная для белорусов на белорусском языке в 1910 г. в Вильно под названием «Кароткая гісторыя Беларусі», принадлежит В. Ластовскому. В предисловии автор отмечал, что издание не является результатом научного исследования, а представляет собой короткий систематизированный очерк истории, составленный на основе различных российских, польских и украинских источников, необходимый для строительства жизни народа и познания истории Отечества на родном языке. В его работе история Беларуси отражена как история княжений, войн и политических событий, дополненных сведениями по истории культуры.

М. В. Довнар-Запольский был ярким представителем социально-экономического направления в белорусской историографии. В обобщающей работе «История Белоруссии» он сосредоточил свое внимание на основных политических событиях, социально-экономической жизни, государственном строе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Однако

«История Белоруссии» была запрещена к изданию как «выражающая позицию белорусского национального демократизма» в 1926 г. и впервые увидела свет только в 1994 г.

Научно-популярное издание В. М. Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» считался первым марксистским курсом по белорусской истории, отражал новые подходы автора к историческим событиям с интересными и логичными выводами. Автор отрицал тезис дореволюционных и клерикальных историков о «католической агрессии» и «борьбе народных масс за православие и воссоединение с Россией» и противоречил таким же положениям в советской историографии, но рассматриваемым с марксистских позиций.

В начале XX в. исторический нарратив характеризуется становлением белорусской национальной историографии, в рамках которой формируются отдельные направления: национально-демократическое, государственное и социально-экономическое. Такое деление достаточно условно, поскольку разница между ними невелика и представлена различными приоритетами исследования.

Таким образом, основной формой репрезентации исторического прошлого белорусов в XV–XVI вв. было летописание. Эволюцией традиционных форм и возникновением новых, таких как мемуарная литература в виде дневников и воспоминаний характеризуется образ прошлого белорусов в XVII–XVIII вв. Исторический нарратив становится преобладающей формой репрезентации прошлого в XIX – начала XX вв., который во всем многообразии (в рамках официальных концепций «русской народности», «триединого русского народа» и западнорусизма или «местного патриотизма» и национальной идеи) отражал общественные установки и идеологические предпочтения социальных общностей Российской империи в целом и национальных окраин, в том числе и Северо-Западного края, заложил основы белорусоведения, способствовал формированию национального движения в начале XX в.

Список использованных источников

1. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
2. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі : вучэбны дапам. – Гродна : ГРДУ, 2000. – 161 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экоперспектива, 2003–2011. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.
4. Коршунов, А. Ф. Афанасий Филиппович: Жизнь и творчество / А. Ф. Коршунов. – Минск : Наука и техника, 1965. – 184 с.
5. Турчинович, О. Обозрение истории Белоруссии / О. Турчинович. – СПб. : типография Эдуарда Праца, 1857. – 313 с.